

Житие святителю Иннокентию, епископу Иркутскому, чудотворцу

Краткое житие святителя Иннокентия (Кульчицкого), епископа Иркутского

Прославленный во святых, дивный в чудесах, чтимый ближними и дальними, чудотворец Иннокентий, первый епископ Иркутский, родился в конце XVII века в Малороссии, в Черниговской губернии. По преданию, родился он в семье священника Кульчицкого (или Кульчицкого), потомка древнего польского рода. Фамилию эту вместе с дворянским достоинством пращуров будущего святителя получили от польского короля Болеслава Храброго. При Крещении мальчика нарекли Иоанном и воспитывали его в духе благочестия.

Получив начальное образование дома, он продолжил обучение в Киевской духовной академии. Учился Иван очень хорошо, каждый предмет изучал основательно, и не было ни одной

дисциплины, которую бы он не освоил с успехом. С особенным прилежанием он занимался словесностью, надеясь впоследствии подвизаться в проповеди Слова Божия. Ко времени окончания академии Иван был пострижен в монахи с именем Иннокентий. Избранник Божий принял постриг в Антониевой пещере, под Киевом.

По окончании академии, примерно в 1706–1708 годах, благочестивый инок был затребован в Москву на должность учителя и префекта в Славяно-Греко-Латинскую академию, а отсюда взят в Санкт-Петербург, где в то время только основывался Невский монастырь, будущая Лавра, чтобы послужить здесь примером доброго иноческого жития.

Появление образованного благочестивого инока стало заметно на общем фоне подвизавшихся, и молодой монах скоро обратил на себя внимание императора Петра I. Опираясь на мнение Сибирского митрополита Филофея (Лещинского), государь утвердился в своем желании образовать в Пекине Русскую православную духовную миссию, которую по плану царя должен был возглавить епископ. Митрополит рекомендовал на эту должность иеромонаха Иннокентия, мужа, вполне достойного царева доверия.

На третьей седмице Великого поста, 5 марта 1721 года, в воскресенье, в Александро-Невском Троицком соборе за литургией была совершена хиротония иеромонаха Иннокентия во епископа. Таинство в присутствии всероссийского самодержца свершили члены Святейшего Синода митрополит Рязанский Стефан (Яворский) и Новгородский архиепископ Феофан (Прокопович).

Сразу по Пасхе, на Светлой седмице, владыка Иннокентий, нареченный епископом Бельским, выехал из Санкт-Петербурга в страну неведомых хинов. Его сопровождали два иеромонаха, иеродиакон и пять певчих с тремя служителями. Год без малого добирались они до Иркутска, оттуда двинулись дальше, за Байкал, и остановились в пограничном с Китаем Селенгинске. Здесь миссии предстояло дожидаться решения пекинских чиновников о праве на въезд.

В то время в Пекине неожиданно большое влияние приобрели иезуиты, которые под различными предлогами склоняли местных чиновников уклоняться от принятия русского епископа. И повод для отказа был найден. В письме с просьбой о разрешении на въезд владыка Иннокентий был назван «богдо» – то есть «великий», а у китайцев такое обращение было принято только к

императору, и потому-де двум великим особам быть одновременно в Китае невозможно.

В ожидании новых указаний из Святейшего Синода епископ Иннокентий оставался в Селенгинске безвыездно три года. Скорбна была жизнь святителя. Не получая жалования, а назначено ему было 1500 рублей в год, он содержал себя и свиту подающими доброхотов. Чтобы не умереть с голоду, миссия добывала себе пропитание рыболовством или нанималась на работы к местным хозяевам и тем кормилась. Поношенное платье владыка чинил себе сам. Утешение находил в молитвах и богослужениях, которые совершал в старом селенгинском соборе.

«Где мне главу преклонити и прочее жития моего время окончати Святейший Правительственный Синод заблагорассудит? – писал он в Синод. – Прошу покорно о милостивом указе, что мне делать: сидеть ли в Селенгинске и ждать того, чего не ведаю, или возвратиться назад... понеже и лисы язвины имут на починок, я же по сие время не имам, где главы приклонити. Скитаюсь бо со двора на двор и из дому в дом переходящи».

Кое-как пристроился владыка со свитой жить на даче Троицкого Селенгинского монастыря. А чтобы не даром есть монастырский хлеб, он и его диакон писали для храма иконы.

Не без Промысла Божия отказали китайцы во въезде владыке. Вынужденное его «сидение» в Селенгинске оказалось весьма важным для проповеди Слова Божия среди местных монгольских племен. Используя свое архиерейское право рукополагать в священный сан, святитель тем самым восполнял недостаток духовенства за Байкалом и избавлял ставленников от далекой поездки для принятия сана в столицу Сибири – Тобольск.

Лишь в марте 1725 года получил владыка Иннокентий повеление переселиться в Иркутский Вознесенский монастырь и оставаться там впредь до новых предписаний. Управлял монастырем в отсутствие архимандрита Антония Платковского игумен Пахомий. Он отвел высокому гостю и его свите помещение на восточной стороне обители, на берегу Ангары. Здесь же, на монастырских землях, им выделили участки под огород, и таким образом жизнь обрела некую стабильность, особенно летом, когда нужно было заниматься огородничеством. Узнав о жительстве в монастыре епископа, в поисках духовного утешения к нему стали стекаться люди. Особенно стремились к владыке дети и инородцы.

В тот же год скончался император Петр I. Вдова и наследница престола Екатерина I назначила

чрезвычайным послом в Китай графа Савву Владиславовича Рагузинского и обязала его взять с собой в Пекин епископа Иннокентия, если, конечно, китайцы согласятся.

В Иркутск Рагузинский прибыл 5 апреля 1726 года. Встретившись с владыкой, он предложил ему возвратиться в Селенгинск и там ждать его, а сам задержался в Иркутске для необходимых дорожных приготовлений. В это время в Иркутск из Москвы вернулся архимандрит Антоний Платковский, ранее уже бывавший в Пекине с послом Измайловым. Очень ему хотелось быть начальником тамошней миссии, и он постарался расположить к себе графа Рагузинского. Всю ловкость, хитрость, услужливость и хлебосольство, даже наветы и хулу на епископа Иннокентия, постарался употребить архимандрит Антоний. Следствием этих маневров архимандрита было письмо посла Рагузинского в Петербург, в котором говорилось, что он не надеется на то, что китайцы примут владыку, а потому находит способным к должности начальника миссии архимандрита Антония Платковского. Письмо было отправлено с нарочным в Петербург и там принято без проверки. В марте следующего года святитель Иннокентий получил новый указ – опять переселиться в Вознесенский

монастырь. Начальником миссии в Пекине был назначен архимандрит Антоний Платковский.

Только владыка успел устроиться в Вознесенском монастыре, как из Петербурга пришло новое высочайшее повеление: быть ему самостоятельным епископом Иркутским и Нерчинским. Этим решением была образована новая кафедра, и с преосвященного Иннокентия началось самостоятельное столование иркутских епископов.

Водворившись на новом месте, владыка Иннокентий столкнулся с теми же проблемами, что и в Селенгинске. По-прежнему не на что было жить, все так же не было крыши над головой. Консистория отказалась платить ему жалование на том основании, что назначено оно было якобы для проживания в Китае, а не в Иркутске. В то время Иркутск еще не разросся до пределов Вознесенского монастыря, и владыке приходилось часто путешествовать по плохой дороге в город и обратно. Будучи не очень здоровым человеком и тяжело перенося переезды, он просил граждан Иркутска дать ему на время помещение. Не нашлось среди иркутян того, кто бы принял в свой дом будущего молитвенника и заступника пред престолом Божиим за всю иркутскую паству. Наконец, в 1828 году провинци-

альная канцелярия сжалилась над владыкой и отвела ему дом боярского сына Димитрия Елезова. Теперь на этом месте в память жительства здесь святителя воздвигнута каменная часовня.

Немногим более четырех лет окормлял он иркутскую паству, но и это короткое по человеческим меркам время употребил он с великой пользой для спасения. Как было уже сказано, владыка Иннокентий не отличался крепостью здоровья, особенно страдал головными болями, но подвигов своих, ни молитвенного, ни смирения плоти, не оставлял. На теле он носил власяницу, поверх которой всегда был подрясник из шкуры лося и кожаный с железной пряжкой пояс. Молиться святитель любил в пещере за монастырской оградой, которую выкопал основатель Вознесенской обители старец Герасим. Еще был у святителя обычай обходить по ночам Вознесенский храм и молиться на него с четырех сторон.

Очень любил владыка делать что-либо своими руками. Днем помогал тянуть сети тем, кто был на рыболовном послушании, а по ночам шил для учеников обувь (чарки). Своими руками посадил в монастыре два кедра.

Пастырь добрый не только руками трудился, но и ни на мгновение не оставлял главного дела – проповеди Слова Божия. Язычников, во множе-

стве проживавших вокруг Иркутска, он обращал к Святой Церкви не только семьями, но и целыми стойбищами. Так, из новокрещеных бурят образовалось целое поселение Ясачное.

Физические немощи не могли остановить его неиссякаемой любви к Богу, которой он спешил поделиться со всеми. Следование за Христом было для него не просто призывом, но смыслом жизни. Этим принципом руководствовался он в каждом деле. Шил ли чарки, учил ли бурят, возводил ли храм, он всегда перед собой имел образ Спасителя нашего Иисуса Христа.

Надлежало ему по должности творить суд, и никогда не перекладывал он на других это неприятное дело. Всегда решал сам, входил во все обстоятельства дела, быстро принимал решения, покрывая любовью строгую правду закона.

При всех неблагоприятных условиях сообщения с городом в его правление почти полностью закончилось строительство кафедрального Богоявленского собора. При Вознесенском монастыре еще архимандритом Платковским была устроена монгольская школа. Святитель Иннокентий не только поддержал это полезное для края начинание, но открыл еще славяно-русскую школу для всех сословий.

Первый Иркутский епископ исходатайствовал из государевой казны содержание для своих преемников и средства на сооружение архиерейского дома. Им же были определены границы епархии.

От трудов праведных любил владыка отдохнуть в небольшом селении Малая Еланка в пятнадцати верстах от Вознесенской обители. Здесь жили направленные из монастыря на полевые работы послушники, монахи и крестьяне. Помогая в будние дни «труждающимся и обремененным», он следил за тем, чтобы в воскресные и праздничные дни никакие заботы не отвлекали бы их от службы Божией. В самой Малой Еланке была организована часовня, и владыка не раз предсказывал, что со временем на месте ее будет возведен храм. Пророчество это исполнилось в конце XIX века. При жизни владыка не раз еще поражал современников своей духовной прозорливостью.

Как-то на день [Кирилла, патриарха Александрийского](#) (9 июня), жители селения Фекского просили владыку отслужить у них Божественную литургию. «Хорошо, – ответил владыка, – отслужим. Но только вперед съездим по лету, а назад по зиме». В тот момент селяне не поняли смысла его слов, но на следующий после литур-

гии день выпал такой снег, что владыке пришлось возвращаться в санях.

Был и другой удивительный случай, утвердивший всех в том, что владыка был подлинно сосудом избранным, исполненным Духа Свята. Однажды при совершении крестного хода вокруг города начался ливень, и все промокли до нитки. И только святительских одежд не коснулась ни одна капля!

Такие проявления на нем Божией благодати стяжали ему еще при жизни любовь и уважение паствы, а по кончине стали основанием к благоговейному почитанию его памяти.

Очень любил святитель Иннокентий служить Божественную литургию. До последних дней своей жизни старался он не упускать возможности здесь, на земле, соединиться со Христом. В последний раз совершал он Божественную литургию в день Покрова Пресвятой Богородицы и затем в воскресный день 3 октября. После этого немощи человеческие приковали владыку к одру. Болезнь то усиливалась, то отпускала. В минуты ухудшения здоровья владыка созывал братию, благодарил служивших ему за любовь и попечение, раздавал на память кое-что из своих вещей, а тем, кому подарков не хватило, обещал при первом укреплении сил обязательно возна-

градить. Очень скорбел владыка, что оставляет Вознесенский храм в неисправном состоянии, и не раз высказывался, что если бы положили ему жалованье, то первую тысячу рублей употребил бы на построение каменной церкви.

Жалованья при жизни он так и не дождался. Решение о начислении ему содержания и удовлетворения некоторых его нужд пришло тогда, когда он уже ни в чем земном не нуждался.

В четверг 25 ноября страдания святителя стали чрезвычайными. Братию и всех городских священников он просил молиться о себе и отслужить после литургии параклис. В субботу 27 ноября 1731 году в седьмом часу утра Господь навеки упокоил святителя. Монастырский колокол возвестил о его кончине, последовавшей в присутствии его духовника иеромонаха Корнилия (Бобровникова), братии и келейников. Почившего облекли в его власяницу, поверх которой надели китайского шелка подрясник и шелковую мантию. Голову владыки покрыли клобуком, в котором он ходил при жизни.

О кончине владыки было доложено вице-губернатору Жолобову. Вице-губернатор, непомерно корыстный и алчный человек, решил воспользоваться случаем и отобрал не только все имущество владыки, но и часть монастырского достоя-

ния. Обобраз таким образом обитель, он лишил братию не только возможности похоронить святителя Иннокентия, но даже и литургию невозможно было совершать за неимением вина. И только после настойчивой просьбы Жолобов выделил на погребение святителя триста рублей, запретив при этом впредь обращаться к нему.

Погребение святителя было совершено 5 декабря. Гроб из соснового дерева был обит черным бархатом. Пречистое тело владыки водворили в каменном склепе под алтарем деревянной церкви в честь Тихвинской иконы Божией Матери, возведенной в 1688 году старцем Исаией.

Вскоре после кончины святителя Господь явил суд над обидчиками владыки. Архимандрит Антоний (Платковский), до последней степени обесчещенный в Пекине иноверцем Лангом, который публично и жестоко избил его, в узах был провезен мимо Вознесенской обители в Петербург. Там ожидало несчастного лишение сана и заточение. Вице-губернатору Жолобову по приговору уголовного суда в Петербурге была отрублена голова. Оба эти события поразили промыслительностью всех, даже самых закоснелых в неверии.

Но если часть маловеров еще нуждалась во внешних убеждениях, верная паства хранила сердечное чаяние, что Господь не даст «препо-

добному своему видети истления». Через тридцать три года после кончины святителя во время ремонта Тихвинской церкви было обнаружено, что тело его, одеяние и даже бархат на гробе не тронуло тление, хотя само место погребения было сырым и затхлым.

Еще через два года настоятель Вознесенского монастыря архимандрит Синесий, будущий светильник Сибирской Церкви, прославленный Господом в 1984 году, в день храмового праздника Вознесения Господня стал свидетелем следующего чуда. За трапезой после Божественной литургии присутствовал губернатор немец Фрауендорф. О нетленных останках святителя он был достаточно наслышан и очень хотел посмотреть их. Сколько ни отклонял это желание иноверца присутствовавший на празднике епископ Софроний, также будущий угодник Божий, изменить решение губернатора не удалось. Владыка Софроний, преподобный Синесий и Фрауендорф подошли к могильному склепу святителя, но ... не смогли увидеть гроба – он был покрыт густым непроницаемым слоем снега. После отъезда губернатора даже следов снега не могли обнаружить.

Спустя семнадцать лет после этого чуда после многочисленных заявлений частных лиц, пере-

живших молитвенное заступничество святителя Иннокентия после молитвы у честных его останков, было еще одно удостоверение, что мощи святителя находятся под особым покровом Божиим.

11 июня 1783 года при сильном ветре загорелась Вознесенская обитель. Весь Иркутск от мала до велика прибежал на пожар, но погасить его не представлялось возможным. Пламя охватило все каменные строения обители и, конечно, деревянную Тихвинскую церковь, под которой почивали мощи святителя. Надежды на спасение нетленных мощей угодника Божия не оставалось никаких. Тогда горожане обратились к прибывшему на пожар преемнику владыки Софония, преосвященному Михаилу (Миткевичу), с просьбой попытаться достать мощи из огня. «Ежели покойный Иннокентий угодил Богу, – ответил тот, – то ради его нетленных мощей Всемогущий Господь спасет и церковь». В ту же минуту огонь потерял силу над осененной благодатью церковью. Милостью Божией она простояла до начала XX века среди каменных, вновь отстроенных стен и зданий монастыря, в непререкаемое свидетельство свершившегося над ней чуда. В летописи Иркутска свидетели пожара записали: «В неделю Всех Святых (11 июня) 1783 года, пополудни часу в четвертом, монастырь Вознесен-

ский сгорел, а именно келлии все, три церкви – две каменные снаружи и внутри без остатку; при том два колокола разбились, а другие испортились. Велик страх был! К тому была превеликая погода. А святые образа и что было в церквах: книги, ризы и прочее, ограда вся и два кедра архиерейские сгорели без остатку. Осталась одна деревянная церковь Тихвинской Богородицы, где архиерей погребен».

Чудеса от мощей святителя множились. Вера в его заступничество перед Господом передавалась из рода в род. Многие служили панихиды у него на могиле и получали просимое! Слава о новом заступнике множилась среди православных. Угодник Божий не отвергал молитв почитателей ни в Туле, ни в Якутске, ни в Петербурге. Отовсюду епархиальному начальству слались письменные свидетельства о его заступничестве. В последних числах сентября 1800 года преосвященному Вениамину, епископу Иркутскому, пришло письмо за подписью 389 человек с изложением просьбы об открытии честных и нетленных мощей святителя для всенародного чествования. Последнее требование привело владыку Вениамина в некоторое недоумение, разрешение которому помогло секретное инспектирование Иркутского края. По высочайшему повелению здесь находились сенаторы Ржевский и Лева-

шов, которые также направили владыке Вениамину письмо. «Как самовидцы, – писали сенаторы, – не только нетленности тела сего, как сами обонявшие благоухание, как личные свидетели повествований о его многообразных чудесах поставляем себе долгом иметь от Вашего преосвященства, десять лет управляющего епархией, все сведения о нетленном чудотворце для доклада по нашей обязанности государю императору».

Преосвященный передал сенаторам письмо для государя и приложил к нему выписку о случаях чудотворений от мощей святителя, числом более ста. Государь потребовал от Синода рассмотрения дела, и уже по распоряжению Синода в Иркутск прибыл Казанский викарный архиерей Иустин. Владыка Иустин лично освидетельствовал мощи святителя, расспросил под присягой некоторых свидетелей чудотворений и вместе с епископом Вениамином 5 марта 1801 года докладывал Синоду. Доклад это содержал подробное описание освидетельствования мощей, проведенное для большей достоверности в присутствии светских лиц – губернатора Алексея Ивановича Толстого с чиновниками, городского головы купца Петра Авдеева со многими почетными гражданами. Все участники освидетельствования подтвердили действительную сохранность останков святителя. Гроб и облачение святителя

были также в совершенном нетлении. Это более чем через семьдесят лет после погребения!

Донесение епископов Вениамина и Иустина ввело Святейший Синод в глубокую задумчивость. Спустя два года Синод направил владыке Вениамину запрос о том, не наблюдаются ли изменения в теле святителя Иннокентия и не было ли за это время достопамятных событий.

Преосвященный Вениамин отвечал, что перемен в состоянии мощей по-прежнему не наблюдается, всенародное почитание святейшего продолжается и ширится, что сам он, епископ Вениамин, «убежден совестью признавать ходатайство святого Иннокентия у милосердия Божия уважаемым». Но и это письмо не возымело действия. Синод безмолвствовал еще год. Наконец, к первенствующему члену Синода митрополиту Амвросию и к обер-прокурору Голицыну было направлено представление от генерал-губернатора Сибири Селифонтова, в котором он, лично свидетельствуя нетленность мощей святителя, выразил свое и всей Сибири настояние об открытии нетленных мощей.

Дальше тянуть было невозможно, и в первый день декабря 1804 года Святейший Синод с высочайшего соизволения объявил: тело первого епископа Иркутского Иннокентия огласить за

совершенно святые мощи и с подобающим благоговением Иркутскому епископу Вениамину с прочим духовенством поставить в церкви Иркутского Вознесенского монастыря наверху, либо в другом достойном месте, с установлением празднования ему 26 ноября, на день памяти преставления сего святителя. Впредь отправлять всенощные бдения и молебные пения святителю и в церковные книги внести необходимые дополнения: «Ноября 26 числа память преставления святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца».

Вождеденное известие об открытии мощей святителя Иннокентия в Иркутске было получено 19 января 1805 года. В ближайшее же воскресенье, буквально через два дня, всенародно был отслужен благодарственный молебен Господу Богу. После этого началось приготовление к чрезвычайному торжеству.

2 февраля, на Сретение Господне, преосвященный Вениамин принял святые мощи из склепа, поставил их посреди Тихвинской церкви и отслужил перед ними Божественную литургию. Через неделю, 9 февраля, мощи святителя при величайшем стечении народа торжественно, с крестным ходом и преднесением чудотворной иконы Казанской Божией Матери, были перене-

сены из Тихвинской церкви в соборную Вознесенскую.

Здесь мощи почивали пятьдесят пять лет, до времени, пока не потребовалось разбирать Вознесенскую церковь из-за ветхости. Двенадцать лет пролежали они в Успенском храме Вознесенского монастыря и 15 октября 1872 года были возвращены под своды вновь отстроенного на старом месте благолепного храма Вознесения Господня.

В память о первом перенесении мощей святителя ежегодно в Иркутске совершался крестный ход с иконой Казанской Божией Матери. Так было вплоть до 1920 года, времени жесточайших гонений на христиан.

С зимы 1920 года начались аресты насельников Вознесенской обители. Был арестован и подвергнут пыткам настоятель монастыря епископ Иркутский Зосима (Сидоровский). 1 февраля в монастыре арестовали видных иерархов Сибири, приехавших на поклонение мощам святителя Иннокентия: епископа Барнаульского Гавриила (Воеводина, † 1938), епископа Петропавловского Мефодия (Красноперова, † 1921), епископа Березовского Иринарха († Синеокова-Андреевского, 1933).

В 1921 году власти совершили акт святотатства: мощи святителя Иннокентия были вскрыты для «медицинского освидетельствования». Новый настоятель монастыря, епископ Киренский Борис (Шипучин, † 1937), обращаясь к духовенству и прихожанам, писал: «Вчера, 11 января, мощи святителя Иннокентия были вскрыты. Облачение и одежда сняты, нетленное тело обнажено и оставлено в храме открытым. Церковь заперта. Богослужения прекращены. Монастырь охраняется красноармейцами». Позднее под усиленной охраной мощи были увезены в неизвестном направлении...

Осиротела иркутская паства. Вместе со всей Русской Православной Церковью рыдала она над своими грехами, смиренно принимая Божие пощение.

Долго мощи святителя почитались безвозвратно утерянными, но только Господь «не до конца прогневается, не век враждует». В 1990 году в одном из подсобных помещений ярославской церкви Николы Надеина были обнаружены неизвестные мощи. С помощью их идентификации на кафедре судебной медицины Ярославского мединститута была проведена экспертиза. Описание мощей, сделанное ярославскими медиками, полностью (!) совпало с данными акта, со-

ставленного в 1921 году в Иркутске. Мощи святителя Иннокентия, оставленные на семьдесят лет в сыром неотапливаемом помещении, Господь хранил для явления нам чуда Своей милости.

И ныне, уповая на заступничество вновь явленного нам угодника Божия святителя Иннокентия, мы обращаемся к нему с молитвами.

Полное житие святителя Иннокентия (Кульчицкого), епископа Иркутского

Святой Иннокентий, в миру Иоанн, происходил из дворянского рода Кульчицких, или Кольчецких. В половине XVII века родители святого и некоторые родственники его переселились из Волыни в Малороссию, в Черниговскую губернию, вследствие голода и тяжести польского владычества. Многие лица из этого рода проходили духовные должности и отличались своим благочестием. О родителях святителя ничего не известно. Сохранилось только предание, что они были люди благочестивые и богобоязненные.

Святой Иоанн родился около 1680 года. Когда он достиг отроческого возраста, то около 1695 года отдан был в училище при Киевском Богоявленском монастыре. Здесь святой отрок обучался риторике, философии, богословию и языкам: ла-

тинскому, греческому и польскому. Училище при Киевском Богоявленском монастыре, переименованное в 1701 году в академию, было тогда лучшим рассадником просвещения и благочестия в Юго-Западной Руси. В то время в нем преподавали многие знаменитые мужи. Ректором академии был ученый архимандрит Иоасаф Кроковский, словесность преподавал Стефан Яворский, впоследствии митрополит Рязанский и местоблюститель патриаршего престола. В то же время был наставником в академии и знаменитейший проповедник царствования Петра I – Феофан Прокопович.

Блаженный Иоанн прилежно занимался науками; до нас дошло много книг, переписанных рукою святителя или принадлежавших ему. Особенно же ревностно изучал святой Иоанн словесность и читал западнорусских проповедников, так как желал впоследствии подвизаться в проповедании слова Божия. Не менее любил он читать творения отцов и учителей Церкви и другие назидательные книги. Молитва и изучение Слова Божия – таковы были занятия блаженного Иоанна в годы учения. Но святой этим не довольствовался: сердце его давно уже горело любовью к Богу. Уже давно мечтал он о том, чтобы посвятить себя всецело на служение Господу. Внешние тяжелые обстоятельства побудили его уско-

рить свое намерение. Смерть родителей, чума, появившаяся тогда в Киеве, наконец, вероятно, преследование Мазепой всего рода Кульчицких представили блаженному Иоанну еще более тщетность и суету сей жизни. Посему, окончив в 1706 году курс обучения в Киевской академии, он воспринял иночество и вступил с именем Иннокентия в число братии Киево-Печерской обители.

Недолго, однако, блаженный Иннокентий подвизался в Киевской Лавре. В 1710 году он был вызван в Москву Стефаном Яворским для преподавания в Московской Славяно-Греко-Латинской академии. Эта академия находилась в Заиконоспасском монастыре. Здесь святой Иннокентий преподавал словесность и поучал своих учеников искусству церковного витийства. В 1714 году святой был назначен префектом академии. Его обязанностью было наблюдать за порядком внутренней и внешней жизни воспитанников, а кроме того он еще преподавал нравственное богословие и философию. Такую должность он занимал до 1719 года. В этом году он был вызван в звании соборного иеромонаха в Александро-Невскую лавру и назначен на корабль «Самсон», стоявший в Ревеле. Вскоре он был переведен обер-иеромонахом в город Або. Занимая сию должность, святой был начальником флотских иеро-

монахов, служивших в Финляндском корпусе, надзирал за их поведением, разрешал недоразумения и сносился о церковных нуждах с Святейшим Синодом. Так как святой Иннокентий по обязанности своей службы каждую неделю должен был посещать каждый корабль, то, вероятно, он хорошо был известен государю, так любимому созданный им флот.

Но Господь назначил Своему угоднику новое, высшее служение. Он судил ему быть просветителем отдаленнейшей окраины русского государства – Восточной Сибири.

Сибирь, завоеванная в 80-х годах XVI века, хотя медленно, но непрерывно заселялась русскими переселенцами. По берегам многочисленных рек они строили зимовья для сбора дани с инородцев, остроги для военной защиты от их набегов в города, где сосредоточивалось управление завоеванного края. Вместе с расселением русских по обширной Сибири распространялась и Христова вера: по зимовьям ставились кресты или часовни, по острогам строились церкви, а по городам – церкви и монастыри. В 1620 году была открыта Сибирская епархия в городе Тобольске. Но одного епископа, разумеется, было недостаточно для огромной страны, и церковная жизнь Сибири за все XVII столетие представляла груст-

ную картину вопиющих беспорядков. Духовенства было недостаточно, и многие церкви стояли без пения; монастыри жили без устава, и монахи были таковыми только по имени. Среди верующих, не исключая и духовенства с монашеством, встречались такие пороки и царила такая распущенность, что неприлично и описывать. Сибирь нуждалась в апостолах веры Христовой.

В половине XVII столетия русские переселенцы дошли до границы Китайской империи, до озера Байкал и реки Амур. В то время были там построены небольшие крепости – остроги: в 1654 году построен Нерчинский острог, в 1665 году – Селенгинский, оба на восточной стороне Байкала, а на западной еще ранее, в 1652 году, было основано Иркутское городище для сбора дани с соседних инородцев. Благодаря этим русским переселенцам начинаются сношения и столкновения с Китаем; от них проникает в Китай и православная христианская вера. В 1650 году казацкий атаман Иерофей Хабаров занял китайский город Албазин на левом берегу реки Амура. Укрепившись в Албазине и настроив городков, казаки держались здесь тридцать пять лет и отсюда владели всем течением Амура. Но в 1685 году китайцы осадили 450 казаков, засевших в Албазине, с 15-тысячным войском и многочисленной артиллерией, и, истребив часть русских,

остальных (около 300 человек) взяли в плен. Китайцы предложили пленникам на выбор – или вернуться в свои сибирские поселения, или поступить в подданство китайскому богдыхану. Из них перешло в китайское подданство только 45 человек с женщинами и детьми. Эти пленные албазинцы и были зерном православной русской миссии в Китае. При выходе своем из Албазина они взяли с собою из крепостной церкви бедную церковную утварь с иконами и в числе их – образ святителя Николая, а также насильно увлекли с собою священника Максима Леонтьева. Русские пленники были приняты богдыханом Канси очень ласково, поселены были в самой столице Китая – в Пекине, на так называемом «Берестовом урочище», в северо-восточном углу столицы, у самой городской стены. (Богдыхан Канси царствовал с 1662 по 1722 г. Он был государь мягкий и сочувствовавший европейцам. В его продолжительное царствование сделала большие успехи в Китае католическая миссия). Спустя немного времени богдыхан отдал пленным христианам буддийское капище, которое они передали в часовню. Сами пленники причислены были к почетному сословию воинов. В 1696 году часовня превращена была в церковь во имя Святой Софии Премудрости Божией, хотя обычно называлась Никольской по имени чтимой иконы. Престарелый отец Максим ревностно

трудился на чужбине и продолжал свою пастырскую деятельность до самой кончины своей, последовавшей в 1711 или 1712 году.

По мысли митрополита Тобольского Филофея, неутомимого «апостола Сибири», в 1715 году с согласия богдыхана отправлена была первая русская миссия из десяти лиц под начальством архимандрита Илариона Лежайского. Богдыхан принял миссию ласково, дал ей содержание и дозволил богослужение.

В 1718 году настоятель миссии архимандрит Иларион скончался. На его место Святейшим Синодом был назначен святой Иннокентий. Еще до возведения его в сан архимандрита до Синода дошли слухи, что китайский император Канси склонен принять христианство (слух этот после оказался неверным). По сему поводу Тобольский митрополит Филофей, от которого была в зависимости и китайская миссия, писал сибирскому губернатору князю Гагарину, чтобы он сообщил о том Стефану Яворскому: «Полезно было бы при назначении доброго и мудрого человека в Пекин почтить его чином архиерейским или архипастырским и клиру с ним сослать человек пятнадцать».

Святейший Синод, рассмотрев это дело, определил послать в Пекин, столицу Китая, епископа,

чтобы он мог рукополагать священников и диаконов. Епископом в Пекин и выбрали святого Иннокентия – мужа, известного своим благочестием и ученостью. Это определение решено было повергнуть на усмотрение императора Петра I. Во время производства этого дела архимандрит Александро-Невской Лавры Феодосий был назначен епископом Новгородским, а святому Иннокентию было временно поручено исполнять должность наместника Лавры.

14 февраля 1721 года Святейший Синод доложил императору Петру I: «Определенного в Хинское государство (то есть в Китай) иеромонаха Иннокентия Кульчицкого архиереем Иркутским и Нерчинским для близости к оному государству посвятить ли? и оного для удобнейшего обхождения от Сибирской епархии отделить ли?»

Государь повелел: «В архиереи посвятить, но лучше без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине (то есть к Китаю), чтобы иезуиты не перетолковали низко и бедства б не нанесли».

Тогда святой Иннокентий донес в Синод: «Понеже Богу, царскому величеству и Вашему Святейшему Синоду тако изволися, во еже бо мене, нижеподписаннаго, почет саном епископства, послать в Китай на дело, яже Вам известно, сего

ради и аз таких высоких лиц воле не противяся, но паче со всяким достодожным почтением облобызая, дерзая некия нужды, без которых тамо и на пути быти невозможно, изъявити».

В дальнейшем донесении блаженный Иннокентий просил отпустить необходимые для богослужения вещи и потребную сумму.

5 марта 1721 года святой Иннокентий был посвящен в епископа в Петербурге в присутствии самого государя. Но так как по церковным правилам всякий епископ должен именоваться по области, то блаженного Иннокентия нарекли епископом Переяславским от имени Переяславля-Залесского. В указе Святейшего Синода сказано, что Иннокентий рукоположен во епископа для «проповеди слова Божия и размножения ради православныя восточного благочестия веры в Хинское государство, где архиерея прежде сего не бывало».

Назначая Иннокентия на евангельскую проповедь, Святейший Синод в то же время поставил его в независимое положение относительно митрополита Сибирского, подчинил новопоставленного святителя непосредственно себе, а Сибирскому владыке предписывал помогать епископу Иннокентию в его сношениях со Святейшим Синодом.

19 апреля 1721 года святитель вместе с двумя иеромонахами, двумя диаконами, пятью певчими и с несколькими служителями выехал из Петербурга в Москву. В Москве святитель получил грамоту от Сената, в которой говорилось между прочим, чтобы по прибытии своем в Китай не разглашал там о себе, что имеет архиерейский сан, – и это затем, чтобы не учинилось какое-нибудь препятствие от иезуитов, противников православной веры, которые издревле имели обычай сеять посреди пшеницы православия плеве-лы раздоров и поношений. Если же случайно кто-нибудь из тамошних знатных и высоких лиц спросит его о чине, то мог сказать, что имеет чин епископства ради того, что может рукоположить священника и диакона, когда их надобно будет на место умерших, а не ради чего другого. Но и такое заявление предписывалось делать с большою осторожностью.

Еще святитель не покидал Россию, как уже власти опасались враждебных действий со стороны китайцев и в особенности со стороны хитрых иезуитов. Ожидания эти оправдались, но исполнилось также и то, чего Святейший Синод ждал от святого Иннокентия. На отдаленной окраине Русского государства святитель был истинным пастырем, ярким светочем Христова учения,

приведшим ко Господу немало душ из тьмы язычества.

Перед отъездом в Сибирь святому Иннокентию были выданы из патриаршей ризницы серебряные сосуды и омофор. Прочую же необходимую утварь по синодальному распоряжению взяли в Суздале из ризницы митрополита Ефрема. А богослужебные книги были выданы ему из Синодальной типографии.

Около года употребил святитель, чтобы достигнуть города Иркутска, где он должен был ждать дальнейших распоряжений Синода. Путешествие было весьма тягостно и трудно. Много опасностей грозило путешественникам. Суровый климат, незнакомые места, отсутствие дорог, дикие звери, инородцы-кочевники – все это пришлось перенести святому Иннокентию и его спутникам. Им пришлось иметь с собою порох и ружья. Наконец, в марте 1722 года святитель вместе со своей свитой прибыл в Иркутск. Иркутский воевода Полуектов немедленно послал грамоту нашего правительства в Ургу к Тушетхану, монгольскому владельцу, через которого обычно пересылались грамоты китайскому правительству со стороны России.

Незадолго перед этим временем, в 1719 году, император Петр I отправил в Пекин посольство

для разрешения вопросов о свободной торговле России с Китаем. Посланником был назначен капитан гвардейского Преображенского полка Лев Измайлов. В инструкции, данной Измайлову, стояли требования, чтобы китайское правительство не возбраняло приезжавшим русским содержать свою веру, чтобы оно разрешило постройку православной церкви и отвело для нее место. Но посольство Измайлова не имело успеха: разрешения на постройку второй церкви дано не было. В это время пришло в Пекин известие, что 700 человек монголов перебежали русскую границу. Этим китайское правительство воспользовалось, чтобы прекратить переговоры с русским посланником: Измайлову объявили, что до тех пор не дадут ответ на его предложения, пока не кончится дело о беглецах. Измайлов должен был уехать из Китая в марте 1721 года.

Когда святой Иннокентий приблизился к китайской границе, в это время из Китая уже выехал наш посланник. Тушетхан сообщил нашему правительству, что при рекомендательной грамоте святителю нет письма от сибирского губернатора к нему, Тушетхану, и вообще русская новая миссия не может быть принята ранее, чем кончатся переговоры о выдаче беглецов. Причиной такого нерасположения китайцев следует считать зависть иезуитов. В листе, или рекоменда-

тельной грамоте, посланной из Сената в отсутствие Петра Великого, святитель был назван «духовной особой, господином Иннокентием Кульчицким». Иезуиты поспешили объяснить в неблагоприятном для нас смысле, что должно подразумевать под словами «господин, духовная особа».

Присланная вскоре тобольским губернатором к Тушетхану грамота еще более затруднила и без того запутанные отношения. Согласно с обычаем, Иннокентий был назван в этой грамоте «великим господином». Китайское правительство отвечало, что богдыхан не может принять такой великой и важной особы. Так дело о посылке в Китай святителя не могло быть приведено к желанному концу. Подозрительность и замкнутость китайцев, интриги и зависть иезуитов, тяжелые исторические условия, которые тогда переживало русское государство – это было время персидского похода (персидский поход был в 1722 г. император Петр I принимал в нем личное участие) – вот главные причины, воспрепятствовавшие успеху миссии.

Между тем положение святителя, который проживал тогда в Троицком Селенгинском монастыре, было крайне тягостно. Он неоднократно об-

ращался в Синод за дальнейшими распоряжениями.

«Где мне главу приклонити и прочее жития моего время окончити Святейший Правительствующий Синод заблагорассудит? Прошу покорно о милостивом указе, что мне делать: сидеть ли в Селенгинске и ждать того, чего не ведаю, или возвратиться назад? И чем? Понеже без указа подвод не дадут. И куда? Понеже лисы язвины имеют на опочинок (то есть для отдыха), я же по сие время не имам, где главы приклонити. Скитаюся бо со двора на двор и из дома в дом проходящи».

Так описывал сам святитель свое положение. Святейший Синод, надеясь, что положение дел изменится к лучшему, прислал в 1723 году святителю указ, которым повелевал ему пребывать в Селенгинске до тех пор, пока не изменятся обстоятельства.

Положение святителя все более и более становилось бедственным и затруднительным. Жалованье стали задерживать и не выдавать, писем в Россию нельзя было посылать, так как китайцы их перехватывали.

«Что ми хочет Святейший Синод творить и куда обратиться? Ибо зело печален есть, не ведая пути, в онъже пойду», – писал святитель в Синод.

Не получая жалования, он сам и его свита питались доброхотными даяниями русских купцов; свита занималась рыбной ловлей, святитель сам чинил свое изношенное платье. Скудна и бедна была жизнь чинов китайской миссии, но, богатый смирением и терпением, святитель подавал всем пример и утешал надеждой на будущее воздаяние. Единственной отрадой для блаженного Иннокентия было тогда совершать богослужение в Селенгинском соборе. Но нужда заставила его переехать на дачу Троицкого Селенгинского монастыря. Эта дача находилась на левом берегу реки Хилки, против селения Красноярского. В бывшем при той даче храме святитель изливал в молитвах пред Господом свою печаль; лишь одна молитва и поддерживала святого. Несмотря на тягостные условия жизни, святитель не любил оставаться в праздности. В свободное от молитв время он писал иконы. Много таких икон, писанных его рукою, сохранялось в храме села Куналеи, к которому приписано было Красноярское. В то же время святитель проповедовал слово Божие жившим вокруг бурятам и монголам и много содействовал утверждению среди них истинной веры Христовой. Посему

Церковь, вспоминая о святителе, воспеваает: «Радуйся, яко проповедию Евангелия, тобою к языкам монгольским принесенной, злоухищрение душ человеческих жестоко посрамися». В Селенгинске и на даче монастыря святой прожил три года.

Между тем в Китае произошли перемены. Еще в конце 1722 года помер престарелый богдыхан Канси и на престол вступил сын его Юн-чжен. Новый государь был очень нерасположен к иностранцам и к христианам: он распорядился выслать из пределов Китая большую часть католических миссионеров, храмы их обратить в общественные дома, строго воспретил совершать богослужение. В этом нерасположении китайского государя к христианам и заключалась теперь главная причина того неопределенного положения, в котором находился святитель Иннокентий.

В августе 1724 года возобновились переговоры с китайскими уполномоченными, которые прибыли в Селенгинск. Но они отказались хлопотать перед своим правительством о пропуске святого Иннокентия. «Мы теперь не можем принять его, пока не доложим богдыхану, а когда будет от самодержца всероссийского некая персона с такими же полномочиями, какие у нас, и договор

сделается о всем, за чем мы были присланы, снова будем тогда (хлопотать) и об этом господине, получив инструкции от нашего государя, приняты ли он будет или нет».

Так китайские уполномоченные потребовали прежде всего отправки посла в Петербург; на это нужно было много времени.

В то время (14 февраля 1725 года) из Синода пришел указ, которым блаженному святителю повелевалось выехать из Селенгинска в Иркутск и ждать здесь нового указа. Прибыв в Иркутск, святитель с согласия Тобольского митрополита Антония поселился в Вознесенском монастыре. Здесь святитель прожил почти год, не вступаясь в дела управления, только посвящая ставленников по поручению митрополита Сибирского.

Новые невзгоды ожидали святого мужа на новом его местожительстве. Архимандритом Вознесенского монастыря был Антоний Платковский, человек честолюбивый и очень хитрый. Стремление стать во главе пекинской миссии побуждало его, не разбирая средств, домогаться своей цели. Платковский отличался необузданным нравом и жестокостью. Но за дальностью от Петербурга и покровительством некоторых лиц он, не обращая внимания на жалобы угнетенных, продолжал чинить несправедливости.

Узнав о приезде святого Иннокентия в Иркутск, Тобольский митрополит Антоний и губернатор князь Долгоруков просили святителя разобраться их спор с Платковским, но святитель не взял на себя этого, так как считал себя не вправе разбирать проступки архимандрита, не состоящего в его ведении.

В апреле 1726 года в Иркутск прибыл из Петербурга чрезвычайный посланник граф Савва Владиславич Рагузинский. Граф Рагузинский послан был уже по смерти Петра I императрицей Екатериной I для того, чтобы разрешить спорные дела между Россией и Китаем. Относительно святителя Иннокентия дано было графу такое постановление Святейшего Синода: ехать ему с посланниками в Китай, если с китайской стороны не будет к тому препятствия; если же туда его не допустят, то предписывалось ехать с графом архимандриту Антонию. Согласно этому указу святому Иннокентию пришлось сопровождать посланника до границы и поступать вообще по совету с ним. Святитель отправился в Селенгинск. Но и на этот раз Господь не привел ему переехать за границу России. Посланник письменно ходатайствовал перед китайскими властями о пропуске святого Иннокентия в Пекин, но не имел успеха. После свидания с двумя министрами богдыхана на пограничной речке Буре

посланник 31 августа 1726 года доносил в Петербург, «что китайские министры, которые на границе его принимали, епископа Иннокентия Кульчицкого туда с ним, графом, в Китай без указа ханского не пропустили, и не чаает он, чтобы его китайцы приняли». В то же время Рагузинский сообщал, что, по словам китайских министров, богдыхан никогда не согласится принять в Китай такую превеликую особу, так как «великим господином называется их папа или хутухта». Такое донесение Рагузинского было принято в Петербурге к сведению. Принято было и представление графа, чтобы поехать в Пекин архимандриту Антонию, о котором тот отзывался с похвалою: живя в Иркутске, «учит несколько детей языку монгольскому и бывал в Пекине и человек трезв и не без ума». И вот Святейший Синод повелевает святителю Иннокентию впредь до получения нового указа начальствовать в Иркутском Вознесенском монастыре. Неизвестность и неопределенность положения томили святителя. Чем более проходило времени, тем все более затруднений и лишений приходилось ему испытывать. Но он терпеливо переносил их, ибо знал, что без воли Божией ни один волос не может упасть с головы человека. Несчастья и лишения – это лучший путь, ведущий к вечному блаженству. Святой Иннокентий переносил их без ропота.

Недолго, однако, святителю пришлось ждать нового назначения: 26 августа 1727 года он получил указ о бытии ему епископом в Иркутске. До сего времени Церковь Иркутская признавалась только викариатством Тобольской митрополии. Теперь она была выделена в особую епископию. На новом поприще ждало святителя не отдохновение, не успокоение от прежних трудов, а еще более забот, еще более невзгод. Достаточно упомянуть, что назначение в Иркутск его предшественники принимали как наказание и очень тяготились этим. Не так думал святитель. Не отдыха он искал в земной жизни, а труда.

2 сентября 1727 года он обратился с первым словом к своей пастве как архипастырь и отец. Вот его послание: «Божиею милостию преосвященный Иннокентий, епископ Иркутский и Нерчинский. Во град Иркутск всем Церкви Святыя и Восточныя сыном послушным, духовным и мирским, благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога и Отца и причастие Святаго Духа да будет со всеми вами. Понеже благословением Божиим ея императорское величество, имея сердце свое благодатное в руке Божией, по докладу Святейшаго правительствующаго Синода, благоволила мя милостивым своим императорским указом определить в Иркутскую епархию настоящим епископом, и титуловати себе по

той епархии, якоже и прежде бывало, того ради молю прежде всех творити моления за ея императорское величество о здравии, и всея ея императорской фамилии, Святейшаго правительствующаго Синода, такожде и о нашем смирении, титулуя нас Иркутским и Нерчинским. Прочее молим вас и архипастырски увещеваем, да такожде мудрствуйте единодушно, друг друга честью больша творяще, мир и любовь между собою имуще, якоже и апостол святой Павел поучает: елика пречестна, елика прелюбезна, елика прехвальна и прочая, сих поучайтесь, сим последуйте, сия держите, тако да и временная благая и вечная удостоитесь наследовати, всеусердно желаем и благословение посылаем. Аминь. Иннокентий епископ».

Много огорчений доставил святому Иннокентию Антоний Платковский. Возгордившись своим назначением в пекинскую миссию, он потребовал у святителя денег более 1000 рублей из суммы Вознесенского монастыря, не имея на то никакого права. Святитель отвечал, что выслать требуемой суммы он не может, так как таких денег в монастырской казне нет. В то же время открылось, что сам Платковский, в бытность свою в Иркутске архимандритом Вознесенского монастыря, растратил большие деньги. Надменный архимандрит грозил даже, что он будет жало-

ваться в Синод. Но дело кончилось тем, что он принужден был смириться и выплатить растроченные им деньги.

Такие несправедливые притязания Платковского сильно утруждали святителя, который в то же время ревностно занимался делами по своей епархии. Вступая на архипастырский престол в Иркутске, святой Иннокентий был преисполнен усердия послужить на пользу своей паствы, посвятить все силы своим пасомым. Он ясно провидел, что много трудов ему предстоит на новом служении. Духовенство в новой епархии было в самом жалком положении. Большинство из лиц духовных не получило почти никакого образования. Невежественные пастыри немногим отличались от пасомых и не могли быть духовными руководителями их – наставлять назидательным словом и привлекать добрым примером. Дети духовных учились тогда по большей части у своих отцов, а те, сами получив скудное образование, немногому могли научить своих детей. Недостаточное приготовление к священному сану необходимо влекло за собою разные беспорядки и нестроения. Многие священники с трудом читали и, стыдясь своего безграмотства, подпись за них других лиц объясняли своим слабым зрением, что «де он, поп, очима скорбен». Новых служителей Церкви взять было неоткуда,

ибо в священники возводились из низших степеней; из дьячка ставили диаконом, а диакон возводился в сан иерея.

Святитель Иннокентий не замедлил принять все доступные ему средства для искоренения таких нестроений. Он потребовал, чтобы все священники в воскресные дни читали книжки, разосланные Святейшим Синодом, под названием «Заповеди с толкованием», также поучения святых отцов Церкви. В случае неисполнения своих обязанностей святитель грозил нерадивым пастырям судом Божиим, на котором они должны будут дать ответ не только за себя, но и за своих детей духовных. Вообще, понимая важное значение духовенства, святой Иннокентий старался возвысить его положение, что видно из одной речи его, обращенной к пастырям. В этой речи святитель старался объяснить важность и ответственность иерейского служения. Он говорил, что священники – строители таин Божиих, свет для тьмы, соль земли, звезды неба, пастыри, которые обязаны отгонять волков от своего словесного стада. Священники, говорил ревностный архипастырь, должны усердно устроить дом Божий, украшать его всяким благодеянием, особенно усердно проповедовать слово Божие, непрерывно поучая своих духовных чад.

Но одними предписаниями нельзя было всего исправить. Нужно было добрым учением и воспитанием приготовить будущих пастырей Церкви. Посему святитель много заботился об училище. До него была одна монгольская школа, заведенная во время Платковского при Вознесенском монастыре. Но при Платковском школа эта была в самом плохом состоянии. В начале 1728 года святитель устроил при монгольской школе и русскую. С того времени школа получила название русско-монгольской. Из русского отделения этой школы должны были выходить будущие пастыри. Святитель много заботился о ней; он привел в порядок ее помещение, вызвал сам учителей. В школу принимались дети не только из духовенства, но также из всех сословий. Духовенству святитель приказал немедленно доставлять в школу своих детей в возрасте от 7 до 15 лет. Не исполнившие этого распоряжения должны были уплачивать 15 рублей штрафа и, кроме того, детей высылали через начальство на счет непослушных. В 1730 году, по прошествии двух лет после открытия школы, в ней было уже около 36 человек учащихся. Святитель увеличил жалование учителям; он также ревностно заботился и о доставлении необходимых книг. В 1729 году для монгольского отделения выписал несколько книг у лам, живших за озером Байкал. Переписчики переписали эти книги, подлинники были возвра-

щены их владельцам, а новые книги были переданы в школу для пользования ими. Для надзора над учениками святитель выбрал иеромонаха Лаврентия. Содержание школы стоило ему немалых забот и огорчений. Средства были крайне скудны. Главным образом святитель содержал эту школу на доходы Вознесенского монастыря и на свои собственные, хотя последние были очень незначительны.

Дело в том, что при определении святого Иннокентия на Иркутскую кафедру не было почему-то сделано распоряжение о жаловании ему. Также и пределы его епархии не обозначены были точно. Тобольский митрополит Антоний удерживал за собою некоторые округа, которые должны были бы перейти к святому Иннокентию, так как ранее были в ведении Иркутского викарного епископа. Святитель ходатайствовал перед Синодом в 1728 г. о своем жаловании и просил точнее обозначить границы новой епархии. Святейший Синод 29 августа постановил о выдаче жалования святителю и определил построить архиерейский дом для него; тогда же он нашел необходимым включить в состав новой епархии не только Селенгинский округ, но также еще округа Якутский и Илимский. Для окончательного решения это постановление Синода было по-

слано в сенат, но долго еще пришлось ждать сенатского распоряжения.

В то время в Сибири был такой обычай: прихожане сами из своей среды выбирали лиц, которых считали достойными священства, и посылали их для поставления к епископу. И святой Иннокентий уважал этот обычай, причем нисколько не поступался своим правом следить за тем, чтобы избранные пастыри были достойны своего звания, и поставлял только таковых. Если по справке в архиерейском приказе действительно выбранное лицо не имело никаких препятствий к принятию священного сана, то святитель полагал резолюцию «для научения в школе». Избираемый посылался в монгольско-русскую школу и здесь учился не менее двух месяцев. В это время он был обязан списать для себя правила из Духовного Регламента, относящиеся к священническому служению, затем заучить их наизусть. В то же время он знакомился с предстоящим ему новым служением. При выпуске из школы вышеупомянутый иеромонах Лаврентий испытывал его. Если по испытании выбранный признавался достойным, то получал ставленную грамоту от святителя и, научившись отправлять церковное богослужение, уезжал на место своего служения. Так заботился святитель о избрании достойных пастырей. Если же кто из избранных

прихожанами лиц оказывался недостойным великого сана, то святитель отвергал такого.

При обширности Сибири и при затруднительности проездов святителю Иннокентию нередко приходилось рукополагать священников не только для своей Иркутской епархии, но и для сопредельной Тобольской. Многим ставленникам гораздо ближе было ехать для посвящения в Иркутск, чем в Тобольск. Но святитель Иннокентий делал это по просьбе и уговору с Тобольским митрополитом Антонием.

Много заботился св. Иннокентий о благолепии службы Божией. До него часто в воскресные и праздничные дни не бывало богослужения или бывало оно в неудобное время; жители Иркутска жаловались на это святителю, и он ревностно искоренял эти беспорядки. Святитель распорядился, чтобы священники в городе Иркутске не совершали литургии слишком рано. Он приказал в праздники благовестить к литургии в 9 часов утра, а в простые дни – в 7 с половиной.

Святой Иннокентий распорядился и о том, чтобы священники его епархии не исполняли треб в чужих приходах, исключая крайней необходимости. Только на исповедь было дозволено принимать каждого приходящего даже из других приходов. Причащаться же всякий был обя-

зан в своем приходском храме, причем если он был у исповеди в другом приходе, то от духовного отца давалась ему отпускная грамота, удостоверяющая в том, что он был на исповеди и достоин принятия Святых Христовых Таин.

Святитель обратил особенное внимание на большое число уклонявшихся от исповеди. В одном Иркутске в 1722 г. число не бывших у исповеди доходило до 420 человек. Святитель не мог без внимания оставить этого. Виновным было сделано внушение, чтобы они строго исполняли постановления Церкви.

Вообще святой первопрестольник Иркутский был ревностным пастырем подчиненной епархии, опытным устройтелем церковной жизни в глухом краю необъятной Сибири. С этой стороны особенно замечательна инструкция святителя, данная священнику Даниилу Иванову, «заказчику», по-нашему – благочинному.

«Выдать тебе заказ (благочиние) Заморский (Забайкальский) во всем Селенгинском округе, а в действии поступать по сим пунктам:

1. Объехать тебе церкви в твоём заказе и смотреть всего благочиния церковного и над священниками, и над всем причтом, а именно: не бесчинствовали бы, не шумели бы по улицам или в

церкви пьяни; не пьют ли вино по кабакам и прочая по прибавлению Регламента о священниках.

2. Указы его величества рассылать, а для рассылки оных посылать поочередно в твоём заказе дьячков и пономарей, аще куда скорых и хороших попутчиков не прилучится, а подводы дьячкам и пономарям брать от церкви до церкви.

3. Тебе, священнику, давать венечные памяти ко всем церквам своего заказа, по Правилам святых апостол и святых отец и по указам Его Величества; и аще где далеко, то иным приказывать; собирать пошину по прежнему обыкновению без излишества; такожде давать дьячкам и пономарям указы по указу Преосвященного со взятием пошин; в прошениях о местах прописано бы было, руга ли (то есть жалованье ли) ему или из доходов питаться будет, и что он добрый и не подозрительный человек.

4. Тебе же повсегодно собирать со всех церквей твоего заказа данные по табели окладные деньги без излишества. Аще где возобновятся по указу часовни, данные окладные собирать же и отдавать.

5. Аще кто на священника или на причетника подает тебе доношение, тебе смотреть; аще в ка-

ком важном деле есть, отсылать в Иркутский архиерейский приказ к решению, аще же о мало-важных делах, таковыя самому по правилам и регламенту решать, без всякой понаровки (то есть без всякого попустительства).

6. О своем решении дела доносить в приказ.

7. Доставлять от всех церквей метрические тетради и исповедные записи.

8. Надзирать за тем, чтобы не было беспаспортных духовных лиц в округе и, если окажутся, доставлять к преосвященному.

9. Надзирать за тем, нет ли раскольников и, если окажутся, доносить.

10. Не поступать сверх права, предоставленного инструкцией, и дела должности исполнять усердно и по совести.

11. На бумагу, чернила брать со всех церквей по пропорции, сколько изойдет; такоже и писчику определить с каждой церкви по рублю, а больше не определять.

12. Подводы разложить на священников с причетники и собрать с них деньги в одну сумму, по рассмотрении прихода, с кого надлежать больше, с кого меньше, чтоб в том никому не было

обиды; когда придут какие указы, то наймовать из той суммы собранной без излишества и рассылать, куда надлежит».

Вообще недолголетнее пребывание святителя Иннокентия на Иркутской кафедре было ознаменовано непрерывными заботами его о благе вверенной ему паствы и неусыпными трудами. Сам он всем подавал пример строгой благочестивой жизни и требовал, чтобы и духовенство служило примером для своей паствы. Но трудно было бороться святителю с некоторыми пороками, которыми страдало сибирское духовенство. Особенно сильно был развит среди него порок пьянства. Часто священники «бывали сильны и храбры к питью» в домах прихожан. Такие пастыри и в храме Божиим позволяли себе непристойные поступки. «В церквах, – говорят документы того времени, – такие священники иногда бранятся, иногда и дерутся; друзии же злонравнии священницы в церкви и алтаре сквернословят, бранятся и творят дом Божий вертепом разбойников; многие священники чревоугодию своему следовали, пьяные бродили по улицам, валялись в кабаках; по улицам бродя, бесчиние шумели, ложились спать на дороге, кощунствовали, дрались».

На это уже было давно обращено внимание духовной власти. Еще в 1702 г. в Тобольске был собран Собор по поводу таких бесчинств. Здесь были изданы правила против пьянства священников и прочего притча. Одно из них подвергает строгой ответственности виновных: «Священник, аще в безмерном явится пьянстве, или диакон, или дьячек и пономарь, пене архиерейской подлежит, яко соблазн миру, по третьем же наказании чужд да будет священства».

Святой Иннокентий всякими мерами старался искоренить пьянство; виновных он подвергал суду.

Раз до святителя дошли слухи, что сторож одной церкви с церковным ключом был в питейном доме и там в нетрезвом виде вступил в драку с другими. Святитель потребовал к себе виновного, усоветивал его. Когда же тот сознался во всем, святитель повелел его держать взаперти в монастырской хлебопекарне с тем, чтобы он сеял муку, а затем отпустить, взяв с него расписку – впредь церковного ключа не носить с собой в корчемницу и жить трезво.

Не только наказанием, но чаще всего увещанием и своим мудрым словом старался святитель исправлять подчиненных. С 1729 года военная церковь Якутского полка поступила в ведение

Иркутского архипастыря. Святителю донесли, что полковой священник иеромонах Феофан Капарский ведет сильно нетрезвую жизнь и не исполняет своих обязанностей. Даже дни Страстной седмицы не останавливали его. Святитель обратился к нему с трогательным, чисто отеческим вразумлением: «Честный отец Феофан! Не заслужил ты такого нашего вразумления, а скорее достоин бесчестия. Однако мы пишем к тебе. Как ты не стыдишься, что призван от Господа Бога о всем мире святую жертву приносить и пасти стадо словесных овец Его, о нихже истязан будешь и дашь ответ в день страшного испытания, а сам ты того звания не содержишь, но беспрестанно пьешь и безгодно упиваешься допьяна, а дела своего не исправляешь, чинишь многие бездельные непотребства. Дело ли это священника? Ныне тебе это пишем, увещевая тебя отечески, чтобы ты исправился. Если же ты не оставишь своих пороков, то знай, что с бесчестием ты из полку переменен будешь, позван к нам на суд и примешь достойное по делам твоим. Но прошу, исправься».

Всеми силами старался святитель искоренить этот недуг духовных пастырей народа. Для сего-то он и требовал, чтобы прихожане были осмотрительны в своем избрании будущих священников, избирали достойных, а не таких, которые

«надзирают корчемницы». «Сего ради, – говорил святитель в одном из своих поучений к пастырям, – достоин им познать свою честь и хранить ее, яко зеницу ока, да свет не обратится в тьму и слава – в бесчестие».

Святитель заботливо следил, чтобы не было никаких распрей и раздоров среда духовенства. А при тогдашнем состоянии Сибирской Церкви такие случаи действительно иногда происходили, как это видно из следующего.

Дворянский сын Никита Варлаамов с царского разрешения построил в 1709 году монастырь в Нерчинске на свое иждивение. Согласно с царской грамотой Никита был возведен в сан игумена и наречен Панкратием. В этой грамоте было сказано, чтобы «игуменам не ведать крестьян, ведать им токмо церковь Божию». Заведование монастырскими имуществами после Панкратия должно было перейти к одному из мирян. Это и вызвало среди братии недовольство и малое уважение к вновь выбранному игумену после Панкратия – иеромонаху Нафанаилу. Некоторые из братии позволяли себе бранить нового игумена; ссоры и брань, своеволие и непослушание в обители были непрестанные. Нафанаилу пришлось лично просить святого Иннокентия, чтобы он своей святительской властью положил предел та-

ким беспорядкам. Святитель не остался глух к просьбам Нафанаила и послал в Нерчинский монастырь такое послание: «Указ нашего архиерейства Нерчинского Успенского монастыря монахам, вкладчикам и крестьянам. Известно нашему архиерейству от достоверных персон учинилось, а наипаче от того монастыря игумена Нафанаила, который в прошлом году по просьбе нашей, а по благодати Всесвятаго Духа, через мерность нашу произведен к вам в игумена, что от монахов и бельцов наносятся ему укорительные, бездельные слова; такожде во многих случаях и монастырских трудах, которые бывают для общей монастырской пользы, чинится непослушание. Того ради мы вас отечески увещеваем и повелеваем, дабы вы игумену Нафанаилу, яко отцу своему и начальнику, во всем повиновались и без его повелений ничесоже действовали и между собою, яко зверие, не ссорилися, под неблагословением Божиим и нашим. Аще противно будете чинить, и аще от него на вас впредь будет в чем прошение, то таковой к ответу по указам Ея Императорского Величества взят будет в Иркутск. Прочее же Бог мира и любви да пребывает с вами и наше недостойное благословение».

Не менее святитель заботился и о простых мирянах. Побуждая священников поучать своих чад

духовных, сам святитель часто и неоднократно обращался к своей пастве со словом поучения. В своих проповедях он грозно вооружался против пороков и кротко увещевал своих слушателей исполнять заповеди Божии, и призыв святителя не остался без ответа. Его мудрое и отеческое слово глубоко западало в сердца слушателей. Множество народа стекалось, чтобы послушать его поучения. Многих слово святителя исправляло и поддерживало на жизненном пути, среди бед и невзгод. Более 200 лет хранилось предание о красноречивых сердечных поучениях блаженного Иннокентия. Многие списывали эти поучения.

Остановимся на некоторых мыслях святителя, которые он проводил в своих поучениях к пастве; посмотрим, куда он вел свое словесное стадо. Мы отсюда увидим, как просто, наглядно и жизненно поучал он верующих.

Мир сей скоропреходящ; человек на земле – временный гость; конец для всех – смерть. «Како слепцы, тако и мы душевныма очима ослеплении прелестию мира сего, не видим истиннаго пути, како прийти к истинному Солнцу – Свету Христу, понеже бо мир сей прельщает, много нам живота обещает; обещает нам злато, но отымет от нас небесное благо; ничтоже бо злато,

разве благо, понеже бо и в мире сем на земли есть. Обретаются черви в травах, иже в нощи видятся светлы, яко адаманты (то есть алмазы), аще же рукою прикоснешися, ничтоже ино, точно прах. Так и человек всяк: аще повысится за высоту рода, за красоту лица, за крепость силы, за множество богатства, но узрит себе прах и землю и червя, по словеси Давидову: Аз есмь червь, а не человек (Пс.21:7), еще же и древа существо прменяется тлением: гнилое дерево, а видится в темном месте светло быша: аще рассмотриши и узриши точию тление и землю... Таковым образом и миряне, прилежащии земным вещем: аще приложит человек мысль на пищи и питии, что ему воздаст чрево, точию мотылие и прах; аще же приложит человек тщание на купли и в торге мира сего, что себе приобрящет купец? Ничтоже, точию суету; а от сокровища и богатства своего ничтоже возмем, точию срачицу и саван. И аще человек оженится и дети приживет, сына оженит и дщери замуж выдаст и проживет сто лет и больше, потом что? Смерть; а по смерти приобрящет тление...»

«О премудрый Соломоне, ты глаголеши: несть ничтоже вечно пребывающее, и человек, живущее в мире сем суетном, льститися нажитками сего света, говорит тако: “добро нам zde быти”. Не знают, что творят. Кое добро есть в мире сем

непостоянном? В мире бо сем вся изменна; ибо кто ныне живет, тот утре во гробе гниет; ныне здоров есть, яко Моисей, а по утру в великом недуге, яко Иов; ныне в чести и славе, а по утру в темнице и заключении; днесь о богатствах печется, яже не может сочести, яко же богач оный евангельский, а во утрий день единыя крупицы алчет, яко Лазарь, и не обретает; днесь на свободе, а утре в неволе; сегодня в радости, а утре в печали; днесь господствует и повелевает, утре издыхает и умирает».

Не должно привязываться к богатству, ибо оно ведет к погибели. «Понеже вы богатства свои держите на непотребные вещи – на объедение и пьянство и на нечистый блуд, того ради богатства ваши до неба вас не допускают. А те же богатства ваши и от муки вас освобождают, аще начнете милостыню творити».

Трогательно увещевает святитель творить милостыню. «Вам должно быти милосердым к прощению нищих, егда к вам вопиют: “Христа ради милостыню нищим”; и вы будьте милостивы на прошение их. Не просят бо у вас коего великого дара; но только просят единыя копейки или малаго куска хлеба, Бога ради. Будьте милостивы; за ту бо милость сами от Бога помиловани будете... Аще убогим будем давати милостыню, от-

даст вам Бог оную на том свете, и кто больше дает, тому и Бог больше отдает, а кто меньше дает, меньше тому подает. Милостыня – это приобретение для вечности: ею получает верующий Царство Небесное. Молюся вам, любимицы мои, еже бы нам получитьи Царство Небесное. Чим же получитьи? 1) Даяти ясти алчущим, 2) даяти пити жаждущим, 3) приимати страннья, 4) одевати нагия, 5) посещати немощныя, 6) в темницу ходити, 7) споследовати, во еже погребати мертвыя. Сими добродетельми получим Царство Небесное».

Совершение этих добродетелей святитель советовал приурочивать особенно к великим праздникам. «Любимцы! не будьте неверны словом и житием, словом исповедуйте, яко воистину воскрес Господь, и житием будьте верни в творении добрых дел, подаванием милостыни и хранением любви. И аще кто сотворит любовь, той нищия да одевает, а не суетне плоть свою украшает, якоже мы ныне творим, красимся ризами; что какова праздника ждем, Воскресения Господня, или иного коего праздника, то мы готовим себе кафтаны хорошие, рукавицы уборныя, шапки изрядныя, сапоги красные; а лучше бы нам готовиться к праздникам с добрыми делами».

В одном из своих поучений святитель ясно и просто излагал правила благочестивой жизни.

«Послушайте, возлюбленнии, – говорит святитель, – се Христос Господь и Мария, Мати Его, свята сущи, изволиста со грешники вчинитися (потому что Пресвятая Дева исполнила закон, относящийся грешным новорожденным младенцам, и принесла в жертву два птенца голубина). Также и нам, братие, учитися, еже очищати души наши святым покаянием и ходити на молитву в дом Божий и приносить потребная. Приносите ов свечи, а ин просфоры, а кто сего не имеет, тот приходи в церковь на молитву с сокрушенною жертвою сердца, со слезами покаяния. Прежде всего бойся Бога, люби Его всею душею и сердцем и помышлением, а Пречистую Богоматерь и всех святых почитайте, а в церковь Божию безленостно приходите к вечерне, и заутрене, и обедне к началу, и слушайте Божественнаго пения со вниманием в молчании; а из церкви до отпуста не выходите. Аще далече от церкви, или не досужно та будет, то ты можешь дома правило свое исправить, пение и поклоны по силе, а не ленися, да не бесплоден будеши, аки древо сухое. И аще сотвориши правило безлености, то великую мзду от Бога получиши и грехов отпущение. Праздники празднуйте духовно, а не телесно, нищих милуйте, а в церкви све-

щи и просфоры в отшить по силе давайте; рабам же своим в праздники от работы покой дайте; праздники празднуйте не объядением и пьянством, но молитвою и чистотою. Кротко живите и во Христе любовь нелицемерну имейте ко всякому христианину... Почитайте священников, яко Божии слуги, и всем церковникам честь воздавайте, и неприятеля своя любите, и Бога за них моли, и любите всех православных христиан яко сам себе, другу не завиди, никого не обиди, сребра в росты не давай, чти отца и мать, больныя посещай, нужным помогай, в темницах и оковах потребная донеси, нищих по силе накорми, напой и одень, вся бо та в руке Божии влагаеши, вдовиц не презри, наипаче всего от блуда бегай и с женами живите по закону. В среду и пяток и воскресенье в чистоте будьте. Праздники Господские и Пречистыя Богородицы и всех святых почитай честно, а дети своя и челядь учи страху Божию, храни от пьянства; татьбы и всякаго зла удаляйся, а в церкви Божией детем своим вели ходити ко службе во вся дня, а наипаче в праздники... Аще случится согрешити, по наущению диаволу, то вскоре исповеждь отцу духовному, да не вкоренится диавол в душе твоей, и смерть да не застанет тя без покаяния. А наипаче всего буди смирен, не высокоумен, не празднослови, скверных бесед бегай, друга не укори, не досади... в церкви Божией

стой на молитве со страхом, ни говоря ни с кем и не помышляй что зло в сердце своем, но точно глаголи: Господи, помилуй мя».

Святитель указывает своим слушателям примеры, следуя которым они могут спастись.

«Да вспоминаем жития святых, яже чем на всякий день, како они угодиша Богу – смехом ли безобразным или празднословием угодили Богу? Никако, но добрыми делами. Тако и нас учат молчанию и терпению и остатися от злых дел. И святые отцы, мужие и жены, не с небес же снидоша, но такожде на земли родишася и имяху тело от земли, якоже и мы.

Имели и они искушение от демонов; но диавола побеждаху. Они бо не много ядяху, яко же мы; вином не упивахуся, яко же мы творим окаянии... Что же творили? Они бо работали Богу всем сердцем, терпели мучения, искушения за Христово имя».

Над всеми святыми безмерно возвышается Матерь Божия, высшая небес и чистшая светлостей солнечных, Заступница грешнаго мира. Святитель Иннокентий говорит о Владычице мира: «Есть же она Мати не токмо Сыну и Богу, но и всем нам православным. Мати Сыну Своему по естеству человечества, Мати нам же по милосер-

дию и по ходатайству и по заступлению. Якоже бо мати родная всегда милосердная есть к чадам своим естественным: питает я, греет и одевает, подъемлет; аще дети и досадят, она все прощает и вся немощи их любезно терпит. Тако и Дева Мария питает нас брашном милосердия Своего, поит млеко щедрот, греет ны ризою покровы Своего, одевает нагость нашу одеянием брачным; падающия в ров грехов, подъемля рукою пособия Своего, утверждает жезлом утверждения Своего. А егда мы по согрешении каемся, Она скоро прощает и Бога ко прощению молитвами Своими преклоняет. Терпит же вся немощи наша, яко знающая поползновение наше. Тем же к Ней, яко милосердной Матери, с дерзновением и надеждою вси притекайте и теплыми молитвами со усердными слезами молящися Ей».

Святой Иннокентий звал своих пасомых на высоту христианского совершенства, но жизнь их была очень невысока. Особенно часты были в Сибири случаи нарушения целомудрия и супружеской верности. В своих поучениях святитель предостерегал пасомых от этих пороков. Так, изъясняя притчу о блудном сыне, святитель говорить: «А той злой обычай и ныне есть в мире. Егда человек придет в возраст, то сперва приищет друга себе такого, каков сам; сначала по-

дружатся, а потом начнут чинить советы и все друг к другу плотским люблением располагаются, а не духовным, и в той любви научатся пьянству, а иные скакать, плясать, а затем гордиться, лихоимствовать и блуд творить. О, любители блуда и нечистоты! О, несытая мерзость! Понеже бо всякая нечистота не точию сердце помрачает, но и видение лица погубляет. Слыши, что апостол глаголет: Бегайте блудодеяния: всяк бо грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть, а блудяй во свое тело согрешает (1Кор.6:18). А ныне едва не все от Бога отступили, ови гордостию и лихоимством, ови завистию и злым пьянством. Сии все диаволу служения и все уклонишася вкупе и неключими быша. Все уклонишася от смирения в гордость, от милостыни – в лихоимство, от любви – в ненависть, от воздержания – в объядение, от трезвости – к пьянству. Что мерзостнее пьянаго человека? Хочет утаиться, яко не пьян, а лежит яко мертв. Ничтоже сквернее пьяницы; из уст бо его смрад зол исходит, расслабление тела и самого себя невладение, из очей слезам истечение, рукам дрожание. Пьяный много обещает, таин не соблюдает, разум и красоту погубляет, и что ино от пьянства бывает, точию брани и прекословия, еще же безстыдство и в словах неудержание».

Своими распоряжениями святитель старался положить предел беспорядочной плотской жизни некоторых из его паствы. От священников он требовал, чтобы браки были заключаемы по установленным законам. Не исполнявшие этого подвергались денежным взысканиям, но искренно каявшиеся получали прощение. Таков был святитель – со строгостью он соединял кротость и незлобие. Иркутский кафедральный протоиерей Петр Григорьев, уличенный в том, что он содействовал венчанию незаконного брака, был лишен протоиерейства и низведен на год в ряд простых священников. Но после искреннего раскаяния святитель простил его и возвел в прежнее достоинство. Много можно указать примеров такой кротости святителя.

В Сибири было тогда весьма мало церквей. В новой епархии всего насчитывалось 33 церкви и 4 монастыря. Множество сел было удалено от церквей на огромное расстояние. Поэтому большая часть верующих не могла исполнять в точности всех церковных обрядов. Было много таких, которые долгое время не принимали Крещения; браки заключались без благословения Церкви. Будучи сам строгим ревнителем благочестия, святитель ревностно и неумолимо заботился об умножении благочестия между пастырями и пасомыми, между мирянами и монашествующими.

Не имея средств, он не имел возможности строить новые церкви, но разрешал строить часовни. Вследствие того, что антиминсов новых, по неизвестной причине, не присылали в Тобольскую епархию, святитель взял даже лишний антиминс из Свято-Троицкого Селенгинского монастыря. В Иркутске он освятил две церкви в 1729 году.

В одной проповеди на освящение церкви святитель говорит: «Но ныне аще кто пожелает святую церковь построить, то не стены едины созидайте, но и внутрь украшайте ризами, сосудами, а наипаче всех сих – людьми благоразумными, священниками богобоязненными».

Вследствие отдаленности храмов Божиих в Сибири было много людей, которые до 30 лет и более не ходили в храм и не соблюдали постановлений Церкви. Святитель и сам говорил, и духовным пастырям поручал говорить в церквях о необходимости по мере сил ходить в храм Божий, о соблюдении поста, о Причащении, изъяснял значение семи Таинств, красноречиво изображал кончину мира, говорил о воскресении мертвых, о страшном суде Божиим, о будущем блаженстве праведных и лютых муках грешников, и этим побуждал всех к покаянию.

В поучении на Введение во храм Пресвятой Богородицы святитель говорит: «Она, Пречистая, от рождения трех лет, сущи безгрешна и чиста, всегда в церкви пребывала, а мы грешнии, нечистии, не только от трех лет рождения, но и до тридцати лет живем и в церковь не входим, и грехи всегда сотворим, и не раскаиваемся».

Настаивая на том, чтобы все исполняли постановления Церкви, святитель требовал, чтобы внезапно умиравшие от какой бы то ни было причины не иначе были удостоиваемы погребения при церквях, как по строгом дознании, были ли они в течение года, предшествовавшего их внезапной кончине, у исповеди и Святого Причастия. Если оказывалось противное, то они, как не заслужившие почета Церкви, были зарываемы за городом. Это же правило прилагалось и к тем, кто умирал без должного напутствия. Святитель понимал, что без мер строгости нельзя было получить желанных плодов.

Сильно любя благочестие и благолепие, святой Иннокентий противодействовал всяким беспорядкам и нестроениям в Церкви. Узнав о разных неурядицах в Забайкальской области в 1728 г., святитель послал игумена Пахомия осмотреть церкви и в случае нужды производить дознание и следствие. В следующем, 1729, году сам святой

тель обозревал зимой свою епархию по левому берегу реки Ангары. Как необходимы были такие заботы о своей пастве, видно из следующего.

Святителю донесли, что у некоего Иоанна Шункова проживает лама. Последний задумал построить кумирню, и Шунков оказывал ламе содействие при этой постройке. Призванный к допросу, Шунков открыто признался, что он помогал в постройке кумирни. Лама говорил ему, что он будет молиться своему богу, и у него будут держаться дети. Тогда было решено: в присутствии народа наказать суевера Шункова в предостережение других.

По указу 1723 года часовни были закрыты, но потом дозволено было возобновлять их, впрочем, только с разрешения архиерея. Священник Григорий Смагин, не испрашивая благословения у святого Иннокентия, самовольно дозволил возобновить в 1729 г. часовню за рекой Ангарой и нанял к ней дьячка-каторжника. Тот же священник открыл самовольно еще другую часовню при деревне Евсеевой. Святитель повелел подвергнуть этого священника наказанию, взыскать с него пять рублей штрафа, а часовни упразднить.

Святитель любил истинное подвижничество и ценил людей, подвизавшихся во славу Божию. Особенным вниманием святителя пользовались

благочестивый настоятель Свято-Троицкого Селенгинского монастыря архимандрит Мисаил, настоятель Нерчинского монастыря игумен Нафанаил и духовник святителя иеромонах Корнилий.

В то время в Сибири не раз происходили неуроходы хлеба. Святитель всегда сам молился перед Господом о изобилии плодов земных и того же требовал от пастырей. Во времена же грядущего бедствия он возносил сугубые моления об отвращении праведного суда Божия. «В граде Иркутске, – писал святитель в одном из своих писем в 1728 году, – умножились между людьми блудные дела, за что грядет гнев Божий на сыны противления». И действительно, во всей Иркутской епархии в том году стояла засуха. Святитель повелел по всем церквам возносить моления Господу о ниспослании дождя. Молитвы святого архипастыря были услышаны: в конце июля прошел сильный дождь, и грозная опасность голода исчезла. На следующий год, наоборот, лето было необыкновенно дождливо, и святитель опять предписал молиться. В следующих, 1730 и 1731 гг., владыка опять делает то же распоряжение.

«По желанию нашему, – говорит сей истинный пастырь Христовой Церкви, – к общему всех православных христиан благу повелевается со-

борне со всеми градскими священниками в соборе совершить ко всем благих Подателю Всещедрому Богу молебное по последованию Требника о дожде пение, по Божественной литургии, да и впредь по вся дни нынешние весенние, как в соборе, так и во всех градских церквах чередным священникам на всяк день».

Так в течение немногих лет своего святительства блаженный Иннокентий не переставал молить Господа о благополучии вверенной ему паствы.

Много невзгод и обид приходилось переносить святителю. Он желал уничтожить право откупа, по крайней мере, в монастырских владениях, потому что не мог видеть, как откупщики опаявали народ, особенно новообращенных инородцев. Его желание не противоречило закону, но против этого восстали откупщики. Они настаивали на том, чтобы им было разрешено продавать вино не только в монастырских селах, но даже и вблизи монастырей. Для разрешения дела об откупах надо было ехать в столицу, потому что в Сибири почти невозможно было добиться справедливого решения. Но сделать этого он не имел ни времени, ни средств.

Святитель в течение недолгого времени своего пребывания на Иркутской кафедре, которую он занимал 4 года и 3 месяца, положил твердое на-

чало успехам веры Христовой в Иркутском крае. Он был истинным пастырем своего стада, ревностным учителем добра и правды, насадителем Христовой веры среди монголов и бурят, искоренителем суеверий и ложных учений, распространителем просвещения в дикой Сибирской стране.

Многотрудна и нерадостна была вся жизнь святителя Иннокентия. Но всего более невзгод и лишений претерпел он в Сибири. Здесь он шествовал поистине тесным и скорбным путем. Имея великое смирение, блаженный видел на себе особое усмотрение Божие: посему не роптал, не просил перемещения на другую кафедру. Святитель любил уединяться для молитвы в пещеру, которую ископал для себя первый основатель Вознесенской обители Герасим; любил возносить свои моления святой пастырь и над могилой Герасима. Каждую ночь святитель читал творения святых отцов или составлял поучения для своей паствы. Часто по ночам, выходя из своей келлии, он направлялся к главному храму Вознесенской обители и молился на него со всех четырех сторон. Заповедуя инокам соблюдать монашеское правило, святитель сам строго выполнял его.

Святой Иннокентий иногда удалялся в монастырское село Малую Бланку, отстоявшее верстах в пятнадцать от Иркутска. Отдыхая от трудов управления, святитель и здесь не оставался праздным: он принимал участие в полевых работах. В своей домашней жизни святитель был прост. Одежда его состояла из власяницы, поверх которой он надевал сделанный из кожи лося подрясник и кожаный пояс. Насколько святитель был незлобив, лучше всего видно из следующего. Вышеупомянутый архимандрит Антоний Платковский, причинивший много зла блаженному, был поражен благочестием и добротой святого Иннокентия. Он был обвинен в растратах монастырских денег. Ему не на что было отправляться в Пекин. Но незлобивый святитель дал ему средства для этой поездки.

Близким к святителю человеком был учитель монгольской школы Лапсан. Святитель неоднократно беседовал с ним. Сии беседы, а равно и подвиги Иннокентия, очевидцем коих был Лапсан, произвели на него сильное впечатление. По кончине святого епископа он перешел в христианство вместе со всем своим домом.

Непрерывные труды надломили и без того слабое здоровье святителя. Уроженец Черниговской губернии, он с трудом мог привыкнуть к суровой

природе Сибири. Огорчения, тяжкие обиды, дальние разъезды, строгая подвижническая жизнь – все это расстраивало его здоровье. Сначала у него открылись сильные головные боли, затем к этому присоединились другие болезни и немощи.

В сентябре и октябре месяцах 1731 года святитель уже лежал больным и не мог совершать богослужения. В последний раз он служил 3 октября в воскресенье.

Во время болезни святой Иннокентий благодарил всех служивших ему; в случае выздоровления обещал всех вознаградить из своих рук. Особенно он заботился о построении каменного храма в Вознесенской обители вместо прежнего деревянного, крайне обветшавшего. Святитель неоднократно выражал тогда сожаление, что ему замедлили выдачей жалованья, из которого первая тысяча рублей давно была уже обещана им на построение этого храма. В случае своей смерти он заповедал братии построить храм на монастырские средства, о сбережении и умножении которых он так много заботился. Между тем болезнь все усиливалась. 24 ноября святитель всех удовлетворил жалованием, а остальные деньги велел сосчитать и положить в мешки за печатью; наместнику Паисию за его услуги пода-

рил свою шубу. 25 ноября он просил братию и духовенство города помолиться о нем. Церковь Иркутская стала горячо молиться о выздоровлении своего архипастыря, но Господь судил иначе. Утром в субботу, 27 ноября 1731 года, святитель мирно отошел к Господу, имея всего около 50 лет от рода, но истощенный заботами и скорбями своей многотрудной жизни.

Паства оплакала кончину своего отца и учителя. С подобающим торжеством честное тело его было погребено в Тихвинской церкви Вознесенского монастыря.

Много чудес проистекло от святых мощей славного угодника Божия. Упомянем только о некоторых.

В 1770 году проживавшая в Иркутске Пелагея Судейкина сильно заболела горячкой. Во время болезни ей было видение: больной представилось, будто она стоит в Тихвинской церкви, и святитель совершает утреню. Она просила благословения. Святитель вышел из алтаря, благословил, потом послал ей с светлым юношей частицу артоса; она вкусила и почувствовала себя здоровой. Желая возблагодарить своего целителя, Пелагея спросила, какую читать ему молитву? Святитель вторично вышел к ней, развернул перед ней свиток, в котором было написано: «Милости-

вый мой наставниче, благоутробия сокровище, правоверия учителю, архиереев похвало, безпомощных заступниче, отче наш, иерарше, моли Бога о нас!»

Пробудившись, Пелагея почувствовала себя совершенно здоровой и тотчас же встала.

Якутский купец Павел Лебедев переломил себе ногу. Его болезнь так усилилась, что он стал готовиться к смерти. В ночь на 3 января 1785 года в комнату, где лежал больной, вошел святитель с жезлом в руке и сказал: «Проси помощи у Иннокентия, что в Иркутске».

Лебедев проснулся, но потом опять погрузился в дремоту, не придавая особенного значения видению. Святитель опять явился и, укоряя болящего в неверии, ударил жезлом в пол. Лебедев, пробудившись, увидел на полу след удара. Он начал верить. Перед утром святитель в третий раз явился болящему, и ужасная боль сменяется легким зудом. Утром Лебедев уже мог ходить без костыля и поспешно направился к гробу своего целителя.

В 1786 году протоиерей Иаков Загоскин заметил, что зрение его стало слабеть. Он долго страдал и наконец вовсе перестал видеть. Слыша о чудесах, которые подает святой Иннокентий,

больной непрестанно обращался к нему с молитвой о помощи. Однажды, сидя в кресле, он забылся легкой дремотой. Вдруг перед ним явился святитель Иннокентий в полном облачении, как он почивает во гробе. Святитель положил свою десницу на голову болящего и повелел чаще призывать его имя. Спустя немного времени протоиерей начал слегка разбирать окружающие его предметы, а потом стал ясно видеть все.

В Вознесенский монастырь, в котором погребены мощи святого Иннокентия, раз прибыли два человека, чтобы прогуляться. Зайдя в церковь, они остановились перед ракою угодника Божия и начали кощунствовать: один взял святителя за руку, другой за ногу. Господь скоро наказал их за дерзость. Когда они возвращались домой, дрожки, на которых оба ехали, упали, и один из кощунников сломал себе руку, а другой – ногу.

Летом 1783 году в Вознесенском монастыре произошел пожар. Была уже объята пламенем и деревянная Тихвинская церковь, под которой покоились мощи святого Иннокентия. Народ с ужасом ожидал, что святые мощи погибнут в огне, и просил у епископа Михаила разрешения вынести их из пещеры. Епископ на эту просьбу ответил: «Если покойный Иннокентий угодил Бо-

гу, то ради его нетленных мощей Всемогущий спасет и церковь».

И тотчас огонь начал ослабевать. Тихвинская церковь осталась целою, лишь с обгорелыми снаружи стенами.

В 1796 году из Екатеринбурга была приведена в Иркутск одна слабоумная женщина. Кто она была такая, как было ей имя – никто этого не знал. Она впала в тяжелую болезнь. Добрые люди приютили ее. Находясь в болезни, она просила денег у своих благодетелей. «На что тебе деньги?» – спросили ее. «Мне надо идти за реку, поставить свечи там, где живут одетые в черное платье и погребен старец». Ей дали денег, она переправилась через Ангару, попросила указать ей дорогу в Вознесенскую обитель. В это время в монастыре совершалась литургия. В течение всей службы больная усердно молилась перед иконою Богоматери и часто подходила к тому месту, где находилась гробница святителя. Через два дня слабоумная не только получила исцеление от своего недуга, но даже стала рассуждать совершенно здраво. Умственное расстройство у нее совсем прошло. Она рассказала, кто она и откуда, прибавила, что ей во сне явился святитель, велел исповедаться и приобщиться Святых Таин. Он сказал ей, что вскоре, в такой-то день, она

умрет. Действительно, в назначенный святителем день она умерла.

Честное тело святителя, погребенное под алтарем Тихвинской церкви в Вознесенской обители, недолго оставалось под спудом. Около 1765 года по случаю перестройки храма гробницу с мощами святителя открыли. Гроб был совершенно цел, даже бархат, которым он был обит, не был поврежден сыростью. Святые мощи оказались совершенно нетленными и издавали благоухание.

В 1800 году сенаторы Ржевский и Левашев, бывшие с ревизией в Иркутской губернии, донесли императору Павлу I о нетленности мощей святого Иннокентия и о чудесах, проистекавших от мощей угодника Божия. В том же году согласно с желанием государя Святейший Синод предписал двум епископам – Вениамину Иркутскому и Иустину, викарию Казанскому – произвести точное дознание по сему делу. Строгое исследование духовных и мирских лиц, производившееся в начале 1801 года, вполне подтвердило сообщение сенаторов. 5 марта епископы сделали донесение Святейшему Синоду, в котором высказывали и свое мнение: «Чтобы сего первого Иркутского епископа Иннокентия причесть к лику святителей, Церковью почитаемых и прославля-

емых; тело его нетленное, яко истинные мощи и достойные, чтобы для почитания народного были объявлены и открыты». Через два года Святейший Синод потребовал от Иркутского епископа новые сведения, касающиеся признания святости угодника Божия. Епископ ответил, что в нетленном теле святителя за эти два года не произошло перемены, что усердие жителей увеличивается, что произошли новые исцеления и явления святителя, описание которых в числе 24-х епископ послал в Святейший Синод. После сего синодальным определением святитель Иннокентий причислен к лику святых, чтимых всею Русскою Церковью, и днем празднования его установлено 26 число ноября (9 декабря). Определение было утверждено императором Александром I 28 октября 1804 года, а 1 декабря объявлено во всеобщее сведение.

Иное жизнеописание святителя Иннокентия (Кульчицкого), епископа Иркутского

Святитель Иннокентий, епископ Иркутский, в миру Иоанн, происходил из дворянского рода Кульчицких. Родители его в середине XVII века переселились с Волыни в Черниговскую губернию. Святитель родился около 1680 года, обучался в Киевской духовной академии. Монашеский постриг принял в 1710 году и был назначен

преподавателем в Славяно-Греко-Латинскую академию префектом и профессором богословия. В 1719 году святитель Иннокентий был переведен в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую Лавру с назначением обер-иеромонахом флота. В 1720 году нес послушание наместника Александро-Невской Лавры. 14 февраля 1721 года иеромонах Иннокентий был посвящен в сан епископа Переяславского и назначен в Пекинскую духовную миссию в Китай. Но китайское правительство отказало в визе "духовной особе, великому господину", как его неосторожно охарактеризовала сенатская комиссия по иностранным делам. Три года вынужден был провести святитель в Селенгинске у китайской границы, перенося много лишений из-за неопределенности своего положения и скорбей от неустройства гражданского управления в Сибири. Дипломатические промахи русского посла в Китае графа Рагузинского и интриги Иркутского архимандрита Антония Платковского привели к тому, что в Китай был назначен архимандрит Антоний, а святитель Иннокентий указом Святейшего Синода в 1727 году был наименован епископом Иркутским и Нерчинским и приступил к управлению новообразованной епархией.

Близость китайской границы, обширность и малонаселенность епархии, большое количество

различных народностей (бурят, монголов и др.), не просвещенных Христовой верой, бездорожье и бедность – все это делало пастырский труд святителя Иннокентия тяжелым и жизнь его полной лишений. По странному недосмотру Сената он не получал жалования до самой смерти и терпел крайний недостаток в средствах. В этих трудных условиях на скудные средства иркутского Вознесенского монастыря еще содержались две открытые при нем школы – монгольская и русская. Неустанные заботы святителя были обращены на их устройство – подбор достойных учителей, обеспечение учеников нужными книгами, одеждой, продовольствием.

Святитель неутомимо трудился над устройством епархии, укреплением ее духовной жизни, о чем свидетельствуют его многочисленные проповеди, пастырские послания и предписания. В трудах и лишениях святитель Иннокентий обретал духовную твердость, смирение, прозорливость.

В 1728 году весной в Прибайкалье началась засуха. Епархии грозил голод от недорода хлеба, начавшегося еще в 1727 году. По благословению святителя, с мая в церквях Иркутска и Иркутской десятины к каждой литургии стали присоединять молебен о прекращении засухи, по субботам пели акафист Божией Матери, а в вос-

кресные дни служили соборный молебен. "Моления, – говорил святитель, – должны окончиться в Ильин день". 20 июля в Иркутске разразилась буря с таким сильным дождем, что по улицам города стояла вода по колени, – засуха прекратилась.

Трудами святителя Иннокентия было начато строительство в Вознесенской обители каменного храма взамен деревянного, расширены границы епархии, включившей не только Селенгинский, но еще Якутский и Илимский округа.

Святитель, не отличавшийся крепким здоровьем, под влиянием сурового климата и невзгод рано отошел ко Господу. Он преставился утром 27 ноября 1731 года.

В 1764 году тело святителя обрели нетленным во время ремонтных работ в монастырской Тихвинской церкви. Множество чудес совершилось не только в Иркутске, но и в отдаленных местах Сибири при молитвенном обращении к святителю. Это побудило Святейший Синод к открытию мощей и прославлению святителя в 1800 году. С 1804 года установлено празднование его памяти по всей России 26 ноября, так как в день преставления совершается празднование иконе Божией Матери "Знамение".